

Шалина И. В. К проблеме описания методики лингвоаксиологического анализа (на материале диалогического общения носителей просторечной лингвокультуры) / И. В. Шалина, Ю. Б. Пикулева // Научный диалог. — 2016. — № 11 (59). — С. 121—132.

Shalina, I. V., Pikuleva, Y. B. (2016). On Problem of Description of Linguoaxiological Analysis Method (on Material of Dialogic Communication of Speakers of Vernacular Culture). *Nauchnyy dialog*, 11(59): 121-132 (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 811.161.1'276(470.5)

К проблеме описания методики лингвоаксиологического анализа (на материале диалогического общения носителей просторечной лингвокультуры)¹

© Шалина Ирина Владимировна (2016), доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), irina_shalina@mail.ru.
© Пикулева Юлия Борисовна (2016), кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и стилистики русского языка, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), pik@bk.ru.

Статья посвящена описанию процедуры лингвоаксиологического анализа разговорной речи, характеризующейся реализацией разнообразных коммуникативных прав, в том числе права на аксиологическую свободу выражения мыслей и чувств. Материалом послужил корпус текстов-разговоров горожан-уральцев — носителей просторечия. Авторами выделены базовые (прямые) и дополнительные (косвенные) языковые сигналы вербализации ценностных представлений и установок. На конкретных примерах показана процедура экспликации имплицитных ценностных смыслов. Представления и установки рассматриваются как когнитивные структуры — особые формы хранения знаний и оценок, которые могут быть реконструированы и поддержаны / отвергнуты коммуникантами в процессе речи. Вводятся понятия интегремы и дезинтегремы как вербально выраженных концептуальных единиц аксиосферы лингвокультуры. Доказано, что функциональный статус концептуальной единицы проявляется в конкретной ситуации общения и способствует солидаризации или разобщению коммуникантов на основании общности или разности модусных установок. Поднимается вопрос о том, что аксиологической заряженностью могут характеризоваться контексты, формально лишённые языковых и речевых оценок.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант 15-04-00239а «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика»).

ных средств. Предложенная методика позволяет выявлять базовые национальные ценностные константы, обеспечивающие устойчивость личности и преемственность типов поведения в лингвокультуре.

Ключевые слова: лингвоаксиология; разговорная речь; просторечие; просторечная лингвокультура; национальные базовые ценности; ценностный смысл; эксплицитность; имплицитность; интегрема; дезинтегрема.

1. Введение

Феномен разговорной речи, осуществляемой в условиях повседневного неофициального, непринужденного, личностно ориентированного общения, привлекает внимание русистов своей естественностью и живостью, непосредственностью речевых реакций участников общения, реализацией ими в речевом взаимодействии разнообразных коммуникативных прав, см.: [Языковой облик..., 1990; Прокуровская, 1996; Розанова и др., 2014]. Одно из них — право на аксиологическую свободу — эксплицирует личностно окрашенное отношение к миру, дает возможность «подвергать субъективным оценкам на личных основаниях любой предмет речи и компонент коммуникативного акта» [Матвеева, 1996, с. 169]. Обретая свою сущность, люди живут и делают выбор, открываются друг другу и самоутверждаются, а значит, стремятся «занимать ценностную позицию в каждом моменте жизни, ценностно устанавливаться» [Бахтин, 1979, с. 163].

Продукты аксиологической деятельности сознания объективируются в речевых поступках прежде всего средствами языка и позволяют судить как о специфике мировоззрения членов национального культурно-языкового сообщества, так и об особенностях национальной и персональной аксиосферы — мира, наполняемого ценностными смыслами социального бытия, являющимися регуляторами и смысложизненными ориентирами для отдельного человека, микроколлектива, общества в целом, см.: [Лингвистика ..., 2011; Карасик, 1996].

Выявление ценностных смыслов может осуществляться на разнообразном речевом материале. В нашем распоряжении имеется база данных, представляющая собой корпус монологических и диалогических текстов, собранных в «полевых» условиях методом включенного наблюдения (записи осуществлены «скрытым» и открытым диктофоном; объем исследуемого материала во временной протяженности его звучания — около 50 часов), см.: [Живая речь ..., 2011]. Участники разговоров — горожане-уральцы, люди разных возрастов и профессий — квалифицированные рабочие, мелкие служащие, работники торговли, домашние хозяйки, пенсионеры. Это преимущественно носители городского просторечия. Взгляд на просторечие как культурный феномен (см. об этом: [Шалина, 2009]) позволяет

переключиться с системно-языковых на ментально- и коммуникативно-ценностные объекты, так или иначе эксплицируемые в повседневных речевых практиках носителей просторечной лингвокультуры.

2. Методика лингвоаксиологического анализа разговорной речи

Лингвоаксиологическая интерпретация разговорной речи предполагает извлечение из речевого континуума ценностных суждений, которые позволяют выявить представления о том, что является для коммуникантов должным, правильным, социально и лично желанным, реконструировать презумпции и установки, которыми руководствуется человек или социальная группа.

В некоторых диалогических фрагментах ценностные установки говорящих эксплицированы, в некоторых — представлены косвенными сигналами и требуют реконструкции. Понимание в этом случае осознается как «сложный многоэтапный процесс, включающий перцептивно-когнитивно-аффективную переработку воспринимаемого» [Залевская, 1999, с. 261], которая позволяет вычленить как поверхностную содержательно-ценностную структуру текста, так и глубинную, имплицитную оценочность. Имплицитное аксиологическое содержание, выводимое на основе содержания языковых единиц с учетом общекультурной, индивидуально-личностной и контекстно-ситуативной информации, позволяет установить то, что говорящий «недоволожил в свою речь» [Демьянков, 2006, с. 36], сформулировать вероятностные пропозиции. Несмотря на разную степень эксплицированности ценностных представлений и установок, адресат, интерпретируя текст, может достаточно уверенно выявить объект оценки и тип ценностного отношения.

Очевидно, что существуют базовые способы выражения ценностного отношения. Чаще всего оно присутствует в утверждениях с модальностью долженствования, необходимости или желательности. Слова *должен, надо, нужно, хочу, разрешено, запрещено, позволено, рекомендуется* и др. дают возможность сконструировать высказывание, задающее нормативную систему координат, правила поведения, которыми руководствуются участники диалогического взаимодействия, а также выделить то, что является для них ценностью или антиценностью. Модальное фокусирование задается ценностными ориентациями личности и культурными конвенциями общества.

Приведенный ниже пример диалогического взаимодействия пожилых носительниц просторечной лингвокультуры содержит обсуждение ценности семьи.

З.С. *Вот я чё (что) хочу сказать / вот видно правда / бабы если были замужем / вот им все равно надо // Вот если мне не надо / вот не надо мне*

/ не хочу я! // А она ить (ведь) и раз / и второй / и третий // И сё (всё) равно надо / сё (всё) равно надо //

Т.П. Дак (так) ить (ведь) общаться же надо / если возраст! Она / grit / «Я привыкла заботиться о ком-то //

Семья, понимаемая как союз женщины и мужчины, скрепленный совместным проживанием и душевной близостью, выступает в данном фрагменте как своеобразная дезинтегрета, то есть единица аксиосферы, обладающая разной степенью значимости для субъектов и потому не способствующая их солидаризации. Оппозитивные ценностные установки носителей лингвокультуры получают экспликацию: *бабы если были замужем / вот им все равно надо // А она ить и раз / и второй / и третий // И сё равно надо / сё равно надо //*; Дак ить общаться же **надо** // ↔ *Вот если мне не надо / вот не надо мне / не хочу я!* Неоднократный повтор лексики со значением необходимости может быть интерпретирован как «сверхэксплицитность» [Демьянков, 200, с. 38], которая вербализует степень убежденности в справедливости каждой из установок: «Женщина должна создать семью, искать свою вторую половину» ↔ «Женщина не обязательно должна стремиться к созданию семьи».

Функцией выражения ценностных установок, несомненно, обладают и оценочные высказывания, поскольку они объективируют абсолютную или сравнительную ценность того или иного предмета, понятия для говорящего. Сигналами абсолютной оценки становятся общеоценочные слова *хорошо / плохо* и др., а также частнооценочная лексика, вербализующая прежде всего нормативную рациональную и этическую оценку: *правильно, нормально, морально, недостойно, порочно* и др., см. об этом: [Арутюнова, 1988, с. 75]. Явные сравнительные оценки в аксиологически заряженных высказываниях обычно реализуются с помощью форм сравнительной и превосходной степени прилагательного или наречия. Ср.:

Т.П. (рассказывает о самостоятельно проводимом ремонте) *У неё нет давления / тьфу-тьфу-тьфу! Это самое лучшее // Я вот начну / голову туда / у меня кружится // И я скорей с лестнки убегаю //*

З.С. *Правильно делаешь (делаешь) //*

Приведенный контекст демонстрирует общность понимания коммуникантами ценности здоровья. Избыточная с культурно-речевой точки зрения форма превосходной степени прилагательного *самое лучшее* характеризует отсутствие болезни как нормативное и желательное состояние. Одобрительная ответная реплика-поддержка *Правильно делаешь* содержит частнооценочное слово со значением нормативности и позволяет интерпретировать здоровье как интегрету, то есть такую единицу аксиосфе-

ры, которая служит солидаризации коммуникантов. Обе коммуникантки поддерживают ценностные установки: «Здоровье надо беречь», «Здоровье — большая ценность для человека».

Аксиологические установки могут быть также выявлены на базе конструкций, включающих сенсорные, утилитарные, психологические, эстетические и другие типы оценок; высказываний-комиссивов (обещаний), директивов (просьб, советов, предупреждений, требований, запретов, разрешений), декларативов (осуждения, одобрения), имеющих оценочный потенциал; эмотивной лексики, особенно выражающей отношения одобрения или порицания. Приведем пример:

Ф.П. Летом / конечно / я и васильки люблю / и ромашки // А вот городские //

З.С. Ну а я вот герберы // Почему люблю / сама не знаю // Вот если б у меня были деньги // Вот я сама люблю дарить // А сама я не люблю принимать подарки / вот если честно // Не люблю и всё //

Ф.П. Дело в том / что знак внимания //

З.С. Я понимаю // Хорошо / что если люди дарят еще чё-нить (что-нибудь) нужное / а ить (ведь) в большинстве-то случаев // Тут даве (недавно) услышала / по-моему / по радио / подари / что тебе не нужное // Эти подарки могут передаривать // Я вот эти платки / всю вот эту мутовень // Ну чё (что) вот / мало / умерла [о родственнице. — И. Ш.] / у ей вот этих платков // Ну чё (что) / пожилая ить (ведь) // Шли бабы на день рождения // Конечно / они несли // Она складывала и складывала //

Обсуждение пожилыми женщинами темы подарков позволяет сформулировать разнообразные ценностные установки: «Ценен любой подарок», «Ценен не подарок, а внимание», «Лучше самому дарить подарки, чем принимать их», «Дарить надо только нужное / ненужное», «Нельзя передаривать подарки». Часть нормативных установок представлена эксплицитно с помощью общеоценочного предиката или директива-совета (**Хорошо** / что если люди дарят еще чё-нить нужное; Тут даве услышала / по-моему / по радио / **подари** / что тебе не нужное). Для выведения других установок требуется интерпретировать оценочные и эмотивные языковые сигналы: **Вот я сама люблю дарить** // **А сама я не люблю принимать подарки** / **вот если честно** // **Не люблю** и всё.

Глагол *любить*, употребляемый в значении ‘иметь склонность, пристрастие’ [ТСОШ, 2011, с. 420], эксплицирует отношение говорящих к предметам и действиям, которые связаны с культурным сценарием поздравления. Ассоциативно наводится ценностный смысл: *любить* — ‘иметь склонность’ — значит ‘одобрять, считать правильным, нормативным’, поэтому

исходные реплики могут быть переформулированы в аксиологически заряженное высказывание: «Лучше дарить, чем получать подарки».

В приведенном фрагменте обнаруживаются и сигналы убежденности в справедливости собственного мнения: участницы диалога исходят из своеобразной «презумпции правоты» [Николина, 2002, с. 11]. Так, рефлексив *если честно*, указывающий на степень открытости выражения оценки, интенсив *и всё*, прерывающий возможные возражения и альтернативные оценки, связаны с утверждением коммуникантками своих оценок, мнений, суждений как единственно верных и справедливых. Названные языковые средства выражают «степень уверенности в сообщаемых фактах» и показывают, что, наравне с «внешней модальностью», формируется и «внутренняя модальность» высказывания [Золотова, 1973, с. 6—7].

Обсуждение желательного, одобряемого типа подарка строится на сочетании эксплицированных установок и имплицатур, подразумеваемое содержание которых реконструируется на основе ситуативной, контекстуальной, энциклопедической, фоновой информации: *я и васильки люблю / и ромашки* — ‘я буду рада и недорогому подарку’; *Дело в том / что знак внимания* — ‘ценен не дорогой подарок, а внимание’; *Я вот эти платки / всю вот эту мутотень // Эти подарки могут передаривать... / Она складывала и складывала* — ‘ненужный подарок не обладает для получателя ценностью, не используется по назначению, поэтому дарить такие подарки не стоит’. Последние примеры показывают, что в оценочном или директивном смысле с учетом фоновых знаний и ситуации могут быть интерпретированы и обычные дескриптивные контексты (высказывания-асертивы), цель которых, на первый взгляд, не связана с директивностью, установлением норм поведения. Выявление подобных сигналов косвенной, неявной оценки и интерпретация наведенных ценностных смыслов показывают, что аксиологически заряженным может стать практически любой фрагмент разговорного диалога.

3. Опыт лингвоаксиологической интерпретации разговорной речи

Аксиологически значимые контексты, подобные вышеприведенным, могут иметь разную протяженность — от диалогического единства до более крупных текстовых фрагментов, характеризующихся содержательно-смысловой завершенностью и модальной целостностью. Последние позволяют выявить не только перечень представлений и ценностных установок, рассматриваемых как «ментальные образцы для духовных и социальных практик» [Телия, 1999, с. 18], действий в определенной коммуникативной ситуации, но и более глубокое понимание специфики лингвокультуры.

Приведем для примера фрагмент разговора живущих в одном подъезде соседей, которые собрались на поминки.¹

В. И. <...> У нас один мужчина в подъезде остался / остальные наши мужики померли // Аркадий Иванович [сосед] умер / я на кухне была / у нас же окна сюда расположены // Он с Гулькой [собакой] гулял // Потом вдруг минут через двадцать Володя Михалик со второго этажа звонит / «Теть Вера / Аркадий Иванович умер» // «Да ты чё?! Вот двадцать минут / пятнадцать / я его видала с кухни» // А вот так / гулял и не гулял / прям враз // Я помню / пришли / он как раз на диване этом лежал // Володя пришел / мы тут все собрались / всполошились // Как щас помню / прямо в трусиках // Прям раз / и все // Ох Господи / скоко перенесёно!

З. А. Дак в этом жись // Городилов Илья [сосед] точно так же // Ой / Клава [жена соседа] бежит / он лежит посередине / прямо синий // Он пошел в туалет и упал // Бежит / «Зоя / твой Илья дома?» / Я грю / «Нету» // Илья упал / я его не могу вытащить / одна нога за унитаз зацепилась / помощи» // Я ему вот так вытаскиваю (Показывает) / он видимо задел //

Ф. П. (Подхватывает) Я-то зашла / када она его уже поднимает // «Не поднимай / не надо» // Она сидит на полу и поднимает // Я грю / «Клава / нельзя его вот щас поднимать / ты еще больше шевелишь его» // У Боголюбковых сын еще в армии не был // Я сбегала к ним / «Сережа / помощи ты его пожалста / вытащить из этой лужи» // Вот он пришел / мы его на палас затащили //

З. А. И Клаву также мы тащили из туалета / помните?

В. И. Ага (ага) // А перед этим как раз вот внук-то засранец / Женька / укололся / и потерял сознание / упал // Дак она сползла с дивана / упала // «Давайте «Скорую» / Женя умирает» // Вот ить скоко пережито / и в горе и в радости // Бывало как Новый год / стол на площадку вытаскиваем / закусочка/ бутылочка // И пошло-поехало // Музыку включим / танцуем // Ой весело как у нас //

Ф. П. Дак чё / мы вот привыкли к соседям-то // Нина Михална снизу / то она батареи чистит / «В кранах / грит / слышно?» Я грю / «Слышно» // Зоя Андреевна справа разговаривает / из бачка воду сливает / я дословно рассказу / чё она там разговаривает // Вот так и живем // Все всё друг про дружку знаем //

Обращает на себя внимание житийная формула, смысл которой определяет мировоззренческие основы соседского микроколлектива: *скоко*

1 Коммуниканты, участвующие в диалоге, живут в так называемом *самстроевском* доме с 1961 года. Они принимали непосредственное участие в его строительстве. Более чем за 40 лет здесь выросло несколько поколений — дети, внуки, правнуки этих людей.

пережито / и в горе и в радости. Для носителей просторечной лингвокультуры естественна потребность сообщать, а не в одиночестве переживать как радостные, так и горестные минуты бытия: *Дак в этом жись*// Так, соседи, живущие на одной площадке (4 семьи, члены которых активно или пассивно владеют просторечием), в течение нескольких десятилетий практиковали совместное празднование Нового года: *Как Новый год / стол на площадку вытаскиваем / закусочка / бутылочка // И пошло-поехало // Музыку включим / танцуем // Ой весело как у нас всегда было.* Частнооценочное слово *весело* задает ценностную интерпретацию контекста: обозначается ценность *добрососедства*, формируется жизненная установка: «Нужно дружить с соседями». Сиюминутные контакты, практика угощения приготовленными блюдами, просьбы о помощи и советах, соседские посиделки, праздничные застолья — факторы, способствующие сближению членов соседского микроколлектива. Ностальгическая тональность фрагмента демонстрирует, что новое поколение уже не придерживается этих ценностных установок.

Соборное мироощущение носителей просторечной лингвокультуры проявляется не только в радостные, но и в трагические минуты жизни. Каждый из коммуникантов приведенного диалога стремится обозначить факт своего участия в общей беде. Смерть соседа переживается многими входящими в соседскую общность так, как если бы они потеряли близкого, родного человека (*мы тут все собрались / всполошились*). Натуралистические подробности смерти (*лежит посередине прямо синий; тащили из туалета; прямо в трусиках; одна нога за унитаз зацепилась; на палас затащили; вытащить из лужи*) участники диалога обсуждают бесхитростно и откровенно. Семантика совместности действий, отношений, состояний людей формируется грамматическими показателями глаголов и глагольных форм (*собрались, тащили, затащили, танцуем, включим, вытаскиваем, пережито, перенесёно*), личными, определительными и притяжательными местоимениями (*у нас (в подъезде), наши (мужики), мы все*). Факты тяжелой болезни, смерти, семейных разладов не прячутся носителями просторечной лингвокультуры за «кулисами жизни», а становятся объектами коллективного горя: *Ох Господи / скоко перенесёно!* Коммуниканты руководствуются в своем речевом поведении ценностными житийными установками: «Необходимо принимать жизнь такой, какая она есть, без прикрас»; «Своим надо помогать». В приведенных контекстах они выступают интегретами, объединяющими людей, живущих в одном подъезде. Субъектная организация *своего круга*, в который обычно входят только близкие и дальние родственники, расширяется за счет включения в него соседей.

4. Выводы

Продемонстрированная методика позволяет выявлять механизмы «понятийно-образного воплощения ценности» [Слышкин, 2005, с. 36]. Реализации обозначенных механизмов служат, в частности, такие когнитивные структуры, как представления и установки — особые формы хранения знаний и оценок. В аксиологически значимых контекстах они могут выражаться прямо или косвенно и интерпретироваться в опоре на контекстуальные маркеры, модальную рамку высказывания, через интерпретацию совершаемых коммуникантом речевых поступков. Получая вербальную оболочку, они становятся суждениями и «проговариваются», например, в виде мнений, нормативных постулатов, морально-этических тезисов, презумпций, кодексов поведения в рамках данной лингвокультуры и т. п.

Установки не абсолютизируются, могут совпадать или расходиться. Приведенные в качестве примеров фрагменты, как и весь массив текстов в целом, позволяют выявлять интегремы и дезинтегремы — вербально выраженные концептуальные единицы аксиосферы лингвокультуры. Если первые служат средством солидаризации носителей лингвокультуры на основе общности модусных установок и оценок, то вторые обнаруживают противоположность или существенное различие этих установок и оценок. Один и тот же ценностный концепт (например, СЕМЬЯ) в зависимости от конкретной ситуации общения может стать как интегремой, так и дезинтегремой. Средством идентификации функционального статуса концепта становятся реплики-реакции собеседников (система речевого поддерживания или сдерживания). Таким образом, интегремы и дезинтегремы проявляются в конкретной ситуации общения и способствуют протеканию речевого взаимодействия в русле коммуникативной гармонии или дисгармонии соответственно. Выделение подобных аксиологически значимых концептов важно, поскольку позволяет выстроить своего рода ценностную систему координат носителя лингвокультуры, выявить ценностные константы, обеспечивающие устойчивость личности и преэминентность типов поведения в лингвокультуре.

Источники и принятые сокращения

1. *Живая речь уральского города* : устные диалоги и эпистолярные образцы : хрестоматия / сост. И. В. Шалина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 360 с.
2. ТСОШ — *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 2011. — 1175 с.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1988. — 339 с.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. — Москва : Искусство, 1979. — 423 с.
3. Демьянков В. З. О техниках понимания имплицитности речи / В. З. Демьянков // Семантико-дискурсивные исследования языка : эксплицитность / имплицитность выражения смыслов : материалы международной научной конференции 15—17 сентября 2005 г., Калининград — Светлогорск / под ред. С. С. Ваулиной. — Калининград : Издательство Российского государственного университета им. Иммануила Канта, 2006. — С. 34—52.
4. Залевская А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 1999. — 382 с.
5. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. — Волгоград; Архангельск : Перемена, 1996. — С. 3—15.
6. Лингвистика и аксиология : этносемиотрия ценностных смыслов : коллективная монография. — Москва : ТЕЗАУРУС, 2011. — 352 с.
7. Матвеева Т. В. Предметно-логическая тема как субъективно-модальное средство разговорного текста / Т. В. Матвеева // Русская разговорная речь как явление городской культуры / под ред. Т. В. Матвеевой. — Екатеринбург : АРГО, 1996. — С. 167—181.
8. Николина Н. А. Поэтика автобиографической прозы / Н. А. Николина. — Москва : Флинта, 2002. — 424 с.
9. Прокуровская Н. А. Город в зеркале своего языка : на языковом материале города Ижевска : монография / Н. А. Прокуровская. — Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1996. — 228 с.
10. Розанова Н. Н. Фонотека русской разговорной речи — историческое свидетельство и культурное достояние / Н. Н. Розанова, А. В. Занадворова // Вестник РГГУ. № 8(130). Серия «Филологические науки. Языкознание». «Московский лингвистический журнал». — Том 16. — С. 9—22.
11. Слышкин Г. Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа / Г. Г. Слышкин // Жанры речи : сб. науч. ст. — Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. — Вып. 4 : Жанр и концепт. — С. 34—50.
12. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. — Москва : Языки русской культуры 1999. — С. 13—24.
13. Уфимцева Н. В. Слово и культура / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание : содержание и функционирование : XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. — Москва : Институт языкознания РАН, 2000. — С. 253—255.
14. Шалина И. В. Уральское городское просторечие : культурные сценарии / И. В. Шалина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. — 444 с.

15. *Языковой облик уральского города* : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. А. Купина. — Свердловск: [Изд-во Урал. гос. ун-та], 1990. — 182 с.

On Problem of Description of Linguoaxiological Analysis Method (on Material of Dialogic Communication of Speakers of Vernacular Culture)¹

© **Shalina Irina Vladimirovna (2016)**, Doctor of Philology, professor, Department of Rhetoric and Stylistics of Russian Language, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia), irina_shalina@mail.ru.

© **Pikuleva Yuliya Borisovna (2016)**, PhD in Philology, associate professor, Department of Rhetoric and Stylistics of Russian Language, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia), pik@bk.ru.

The article is devoted to the description of the procedure of linguoaxiological analysis of spoken language characterized by the implementation of a variety of communicative rights, including the right to axiological freedom of expression of thoughts and feelings. The material was a corpus of conversations of citizens of the Urals — vernacular speakers. The authors highlighted the basic (direct) and secondary (indirect) linguistic signals of verbalization of perceptions of values and attitudes. Specific examples show a procedure of explication of implicit axiological meanings. Ideas and attitudes are seen as cognitive structures that are special forms of storing knowledge and assessments that can be reconstructed and supported / rejected by communicants in the process of speech. The concepts of integreme and disintegreme are introduced as verbally expressed conceptual units of the axiosphere of linguoculture. It is proved that the functional status of the conceptual unit is manifested in a specific situation of communication and promotes solidarity or disunity between people on the basis of commonality or difference modus assessments. The question is raised that the axiological charge can characterize the contexts that are formally devoid of language and speech assessment tools. The proposed method allows to identify the basic national value constants ensuring the stability of personality and continuity of behavioral patterns in the linguistic culture.

Key words: linguoaxiology; spoken language; vernacular; colloquial linguistic culture; national basic values; axiological meaning; explicitness; implication; integreme; disintegreme.

Material resources

Shvedova, N. Yu. (ed.). 2011. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vkhlyucheniym svedeniy o proiskhozhdenii slov*. — Moskva : Azbukovnik. (In Russ.).

Shalina, I. V. (ed.). 2011. *Zhivaya rech uralskogo goroda: ustnyye dialogi i epistol'yarnyye obraztsy: khrestomatiya*. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russ.).

¹ The work is financially supported by Russian Foundation for Humanities (grant 15-04-00239a “National basic values and their reflection in the communicative space of a provincial town: traditions and dynamics”).

References

- Arutyunova, N. D. 1988. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt.* Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. 1979. *Problema rechevykh zhanrov. Estetika slovesnogo tvorchestva.* Moskva: Iskusstvo. (In Russ.).
- Demyankov, V. Z. 2006. O tekhnikakh ponimaniya implitsitnosti rechi. In: Vaulina, S. S. (ed.). *Semantiko-diskursivnyye issledovaniya yazyka: eksplitsitnost' / implitsitnost' vyrazheniya smyslov: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 15—17 sentyabrya 2005 g., Kaliningrad — Svetlogorsk.* Kaliningrad: Izdatelstvo Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. Immanuila Kanta. 34—52. (In Russ.).
- Karasik, V. I. 1996. Kulturnyye dominanty v yazyke. *Yazykovaya lichnost': kulturnyye kontsepty.* Volgograd; Arkhangel'sk: Peremena. 3—15. (In Russ.).
- Kupina, N. A. (ed.). *Yazykovoy oblik uralskogo goroda.* Sverdlovsk: [Izd-vo Ural. gos. un-ta], 1990. (In Russ.).
- Lingvistika i aksiologiya: etnosemiotriya tsennostnykh smyslov: kollektivnaya monografiya.* 2011. Moskva: TEZAURUS. (In Russ.).
- Matveeva, T. V. 1996. Predmetno-logicheskaya tema kak subyektivno-modalnoye sredstvo razgovornogo teksta. In: Matveeva, T. V. (ed.). *Russkaya razgovornaya rech kak yavleniye gorodskoy kultury.* Yekaterinburg: ARGO. 167—181. (In Russ.).
- Nikolina, N. A. 2002. *Poetika avtobiograficheskoy prozy.* Moskva: Flinta. (In Russ.).
- Prokurovskaya, N. A. 1996. *Gorod v zerkale svoyego yazyka: na yazykovom materiale goroda Izhevsk.* Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta. (In Russ.).
- Rozanova, N. N., Zanadvorova, A. V. Fonoteka russkoy razgovornoj rechi — istoricheskoye svidetelstvo i kulturnoye dostoyaniye. *Vestnik RGGU, 8(130). Seriya «Filologicheskiye nauki. Yazykoznaniye».* «Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal», 16: 9—22. (In Russ.).
- Shalina, I. V. 2009. *Uralskoye gorodskoye prostorechiye: kulturnyye stsenarii.* Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russ.).
- Slyshkin, G. G. 2005. Rechevoy zhanr: perspektivy kontseptologicheskogo analiza. *Zhanry rechi.* Saratov: Izd-vo GosUNTs «Kolledzh», 4: *Zhanr i kontsept,* 34—50. (In Russ.).
- Teliya, V. N. 1999. Pervoocherednyye zadachi i metodologicheskiye problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kultury. In: Teliya, V. N. (ed.). *Frazeologiya v kontekste kultury.* Moskva: Yazyki russkoy kultury. 13—24. (In Russ.).
- Ufimtseva, N. V. 2000. Slovo i kultura. In: *Yazykovoye soznaniye: sodержaniye i funktsionirovaniye: XIII Mezhdunarodnyy simpozium po psikholingvistike i teorii kommunikatsii.* Moskva: Institut yazykoznaniya RAN. 253—255. (In Russ.).
- Zalevskaya, A. A. 1999. *Vvedeniye v psikholingvistiku.* Moskva: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet. (In Russ.).